

...БЕРЕТ ИНТЕРВЬЮ

„Я ВЫБРАЛ ТЕАТР ПО ЛЮБВИ“

...ВЕДУЩАЯ объявила выступление актера театра «Современник» Константина Райкина, и зал взорвался аплодисментами.

Актера знали. Ждали его появления. Более того, сами ожидания имели четкую направленность и определенную запрограммированность: лица зрителей озарили улыбки.

И маски-образы К. Райкина: косноязычный, дрожащий, полубомбический абитуриент, важно шагающая старушка-няня — в самом деле были уморительно смешны. Когда же актер пронесся по сцене в удивительно ритмичном, в полном изысканной пластики танце, новая волна оваций потрясла зал. Первый вопрос напрашивался сам собой:

— Константин Аркадьевич, как вы относитесь к популярности?

— Популярность — вещь в общем-то хорошая. Когда ты выходишь на сцену и в зале тебя знают, появляется особое, приданное чувство, и начинаешь уже не с нуля... Другое дело, что никогда нельзя всерьез относиться к собственному успеху: количество аплодисментов не всегда адекватно мастерству, и, если верить только зрителю, можно очень скоро в своем творчестве просто остановиться. Ведь зритель порой воспринимает актера как нечто раз и навсегда данное, неизменное. Например, я знаю, что могу рассмешить: просто выйти на сцену, сделать несколько гримас, и зал засмеется. Но ведь сам по себе я вовсе не весельчак, у меня ощущение от жизни иное, чем у моих комедийных героев, и струны лирические, драматические скорее преобладают... Я могу не только развлекать, я могу и многое другое... А зритель, бывает, по инерции ждет лишь повторения.

Когда в спектакле «Монумент» — спектакле-исповеди, где я играю роль драматическую, почти трагедийную, я первый раз смотрю в зал, меня встречают улыбками: сейчас, мол, что-нибудь «отколет». И тогда появляется желание разрушить стереотип, опрокинуть привычные представления, заставить увидеть какие-то иные свои возможности... Впрочем, в театре сделать это не так уж сложно. Труднее в кино: я потому и не снимаюсь в последнее время, что предложенные мне роли либо несут в себе повторение даже найденного, либо настолько мне не близки, что не стоит и пробовать... Ведь интересно заниматься тем, что тебя максимально выражает...

— Театр, кино, телевидение... В последнее время к этим увлечениям добавлялась еще и эстрада, где вы работаете весьма плодотворно. Может быть, эстрада постепенно вытесняет из вашего сердца театр?

— Нет, мне кажется, этого не произойдет никогда. По крайней мере, если бы такое и случилось, я сам бы очень изменился и уж, конечно, в корне перестроил бы всю программу, признав бы в нем элемент драматический...

Театр — главное для меня, я выбрал его по любви, и все, что я делаю наиболее серьезного, я делаю в театре. Эстрада же — это совсем другое, здесь я отдыхаю от театра и ищу какие-то иные средства выразительности. Например, мне нравится работать одному, впрямую обращаться к залу: сохраняется чистота приема, можно проверить, что же стоит ты сам... Вообще, по-моему, это интересно, когда выходит на сцену актер много умеющий и без декораций, осеватильных эффектов, только голосом, взглядом, движением мыши лепит образ. Поэтому я

с удовольствием выступаю с «показками», читаю с эстрады Мандельштама, Заболоцкого, Пушкина, готовлю и моноспектакль по Чехову...

— Очевидно, и само творчество отца оказало на вас немалое влияние?

— Нет, этого я бы не сказал. Отец для меня — пример в отношении к работе, к искусству. Но что касается творчества, тут я ценю свою самостоятельность.

Родители даже не знали, что я собираюсь стать актером: когда я поступал в Щукинское училище, они были в заграничной командировке и считали, что я пойду на биофак — я учился в школе с физико-химико-математическо-биологическим уклоном и с детства увлекался зоологией. Особенно рьяно я доказывал свою самостоятельность на первых курсах. И сейчас меня интересует не столько похожесть с отцом, сколько различия...

— Какие же встречи с людьми, явлениями искусства сформировали вас как актера?

— На меня очень повлияла встреча с режиссером Фокиным — все мои самые серьезные работы — «И пойду, и пойду...», «Монумент», готовящийся спектакль «Лоренцаччио» — связаны с ним. Собственно, в его спектакле «Валентин и Валентина» в роли Валентина я и дебютировал на сцене «Современника».

Многое изменила во мне встреча с Марселем Марсо: его невероятный, изысканный артистизм, глубочайшее мастерство произвели на меня впечатление поистине колоссальное. Этапной я считаю и встречу с выдающимся польским театрологом и практиком театра Гротовским. Именно он определил мое пристрастие к «бедному» театру, когда единственным выразительным средством является сам актер.

И очень многое сформировал во мне Достоевский. Я был болен им, я жил им, и если бы не Достоевский, не работа над его прозой, я не стал бы тем, что я есть, — я был бы, наверное, просто другим человеком...

— Расскажите немного об этом спектакле...

— Спектакль назывался «И пойду, и пойду...» по «Запискам из подполья» и «Сну смешного человека» Достоевского. Я играл автора «Записок». По сути это был часовой монолог, исповедь, которую можно было вести эмоционально, на пределе всех интеллектуальных и душевных сил... Сыграв в театре десять главных ролей, двадцать больших, я не знаю у себя работ, равных этой... Атмосфера спектакля удивительно совпала с моим мироощущением, я будто рассказывал о себе — откровенно, обнаженно... Чувствовалось какое-то приобщение к духу Достоевского, его миру, и во время действия я начинал открывать в себе такое, чего раньше не подозревал: иные пласты, иные глубины. Было совершенно безразлично, что скажут зрители, критики — настолько радостно и одновременно болезненно мучительно проходил сам процесс игры.

Фокин избрал форму «бедного» театра, у нас с Еленой Корневой были лишь самые элементарные предметы — спрятаться не за что... Но с каким увлечением и вдохновением мы работали! До сих пор не могу рассказывать о спектакле спокойно — жаль, что этот этап для меня уже прошел и больше не повторится...

— Актеры не очень любят говорить о самом творческом процессе. И все же, какая стадия работы над ролью для вас самая радостная, какая — самая мучительная?

— Самая мучительная стадия — начало, когда роль прочитана, осмыслена, но еще нет цельного четкого представления о человеке, которого буду играть, еще не ясен сам образ... Знания наукой приучили меня к дотошности: я не успокоюсь, пока не пойму чего-то до конца, не «достучусь» до сути. И «мой» человек начинает меня мучить, терзать, не дает мне покоя. Я ненавижу свой голос, потому что это не тот голос, каким говорит герой. Я ненавижу свое тело, движения, потому что герой выглядит и ходит иначе... Словом, скоро я уже не смогу ни слышать себя, ни видеть...

Но вдруг в какой-то момент удается схватить что-то главное, какую-то определяющую деталь... И сразу появляется азартное охотничье чувство: роль начинает вести тебя... В этот период испытываешь что-

то, похожее на вдохновение и наслаждение...

— Константин Аркадьевич, критика издавна, правда, весьма условно разделяет актеров на эмоциональных и рациональных. Какой тип представляете вы?

— Есть великолепные актеры и того, и другого плана. Лично я предпочитаю эмоциональность в творчестве, разумеется, если она основана и на работе ума, и на снайперском расчете. Например, сейчас я репетирую «Лоренцаччио» Альфреда де Мюссе — это одна из лучших ролей мирового репертуара, о ней можно было только мечтать. Роль предельно эмоциональна, но строить все только на интуиции, на всплесках чувств нельзя, непрофессионально. Возникает опасность перехлеста: задудишь в одну дуду, и зритель станет просто скучно. Здесь, как и в спектакле по Достоевскому, нужен строгий расчет: по какому руслу пустить эмоции, куда их направить... Так что оптимально, наверное, сочетание качеств...

— Какое же качество в актере вы считаете самым главным?

— Волю. Я отбрасываю талант, потому что талант — непременное условие актерства. Вообще же наша профессия — очень волевая, ведь приходится делать массу скучных вещей, вопреки своим хотениям. Заставляешь себя учить текст, заставляешь выкладывать на репетициях, не даешь себе халтурить, играть «невсерьез»... И не даешь себе расслабляться при неудачах...

— И последний вопрос. Считаете ли вы свою актерскую судьбу счастливой?

— Работа в «Современнике», встреча с прозой Достоевского, Альфреда де Мюссе... Пожалуй, я мог бы назвать себя человеком везучим, если бы... если бы не боялся спугнуть удачу.

Интервью вел Н. БАРАБАШ.
Фото И. Гусева.